

Пётр **ЧЕРКАСОВ**,
доктор исторических наук

ВЫСТРЕЛЫ В БУЛОНСКОМ ЛЕСУ

В погожий солнечный день 6 июня 1867 года, около пяти часов пополудни, открытая коляска, в которой находились два императора — Александр II и Наполеон III — неспешно катила по Булонскому лесу. Вдоль аллеи рассредоточились толпы зевак, мешавших временами продвижению экипажа. Парижане радостно приветствовали своего монарха и его высокого гостя, русского царя, которые возвращались с военного смотра, состоявшегося на ипподроме Лоншан. Рядом с августейшими особами в коляске находились два сына Александра II — великие князья Александр и Владимир.

Когда экипаж поднялся на Большой Каскад Булонского леса, из толпы один за другим раздались два выстрела, произведённые почти в упор. Перед тем, как прозвучал второй выстрел, берейтор Наполеона III успел ударить стрелявшего по руке. Одна из пуль задела женщину из толпы, другая — лошадь. К тому же при втором выстреле разорвало ствол пистолета, от чего пострадал сам стрелявший, правая рука и лицо которого были залиты кровью. Толпа набросилась на него, и лишь вмешательство царя спасло террориста от расправы на месте. «Несите его в карету и найдите для несчастного врача», — сказал Александр II, и только когда его просьба была удовлетворена, он согласился продолжить путь, уступая настояниям Наполеона III. «Если это итальянец, то он хотел убить меня, а если поляк — то вас»¹, — мрачно заметил император французов, вспомнив, видимо, о трёх покушениях на свою жизнь, предпринятых итальянскими революционерами в 1855 и 1858 годах.

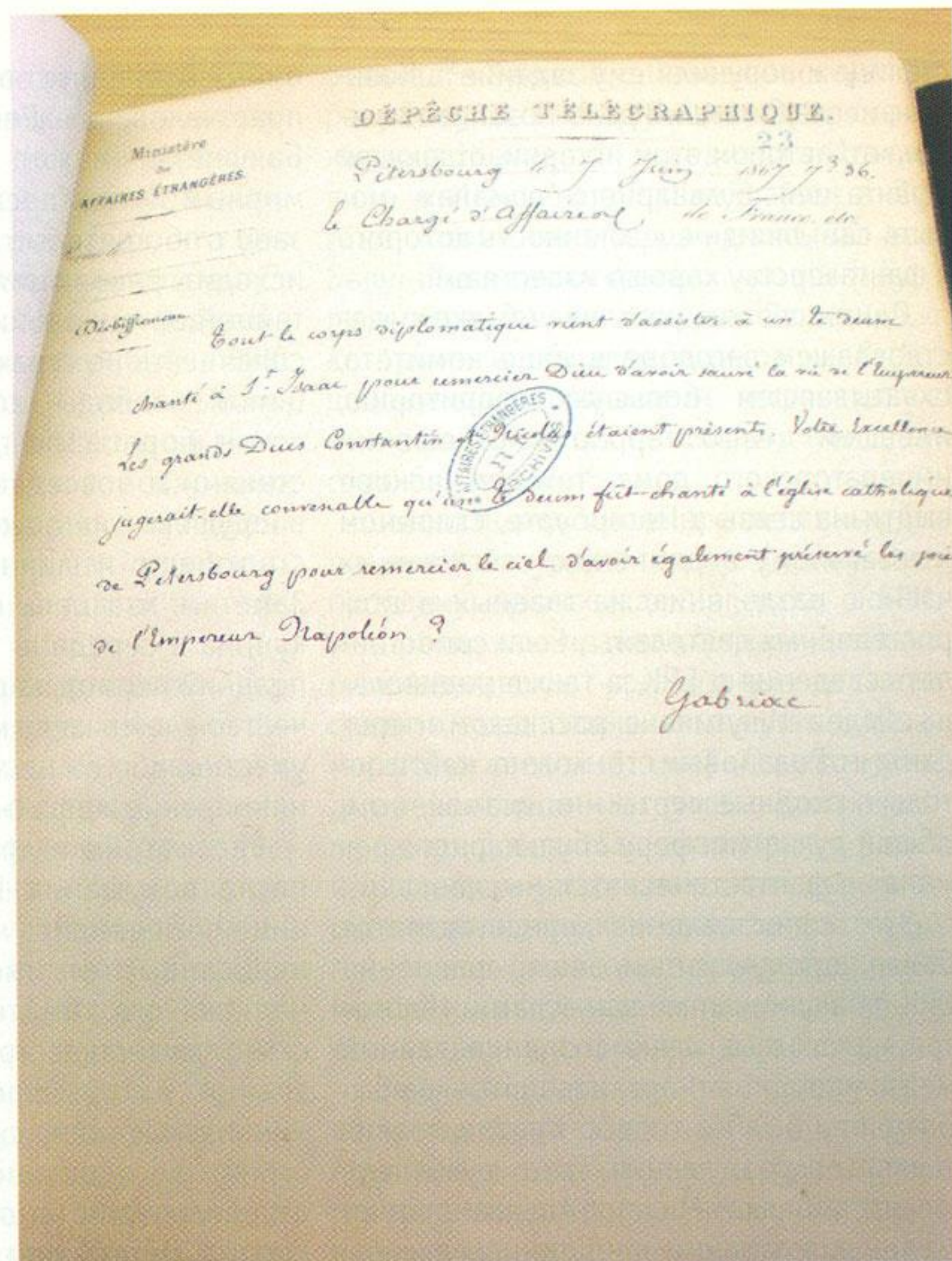
Наполеон лично сопровождал царя до Елисейского дворца, выделенного ему в качестве резиденции на время пребывания в Париже (куда он прибыл на Всемирную выставку 1867 года). Император французов был крайне раздосадован инцидентом в Булонском лесу, грозившим перечеркнуть все его планы по улучшению отношений с Россией, изрядно испортившихся после 1863 года, когда Франция фактически выступила на стороне восставших поляков. За истекшие с тех пор четыре года в Париже появилось осознание серьёзной угрозы со стороны набиравшей силу Пруссии, разгромившей в 1866-м Австрию и расширившей границы до Рейна.

Террористом оказался участник польского восстания 1863 года 20-летний Антоний (Антон) Березовский, который нашёл приют во Франции.

Сколько раз князь Горчаков делал представления французскому послу в Петербурге барону Талейрану относительно антиросийской активности польской эмиграции во Франции! Сколько раз русский посол в Париже барон Будберг делал аналогичные представления и лично Наполеону III, и его министрам! Все эти демарши повисали в воздухе, не находя должного понимания ни в Тюильри, ни на Кэ д'Орсэ. И вот теперь случилось то, чего не без основания опасались в Петербурге.

На следующий день после покушения Наполеон отправил в Елисейский дворец свою супругу, императрицу Евгению, которая со слезами на глазах умоляла Александра Николаевича не прерывать свое пребывание в Париже. Она уверяла царя, что покушение — дело рук одиночки, который понесёт самое суровое наказание.

Царь внял мольбам Евгении, заверив её, что программа визита не будет сокращена. Помимо политических соображений, у Александра были и личные мотивы остаться в Париже. Здесь находилась его любимая Катя, 29-летняя княжна Екатерина Дол-

Телеграмма временного поверенного посольства Франции в России маркиза Жозефа де Габриака об участии иностранного дипломатического корпуса в молебне в Исаакиевском соборе Петербурга по случаю спасения Александра II при покушении на его жизнь в Париже.

горукова, примчавшаяся по первому же зову из Неаполя, куда в конце 1866 года она была отправлена в «ссылку» по настоянию императрицы Марии Александровны.

В Париже император распорядился снять для своей возлюбленной, с которой не виделся долгие шесть месяцев, небольшой особняк на улице Бас-дю-Рампар, по соседству с Елисейским дворцом, куда Екатерина Михайловна тайком проникала каждый вечер в течение всех десяти дней пребывания царя в столице Франции. «Ещё более сблизившись вследствие произошедших событий и долгой разлуки, имея бóльшую свободу для встреч, чем в российской столице, вдалеке от двора и сплетен, они, практически не таясь, дали развитие своим романтическим отношениям»², — отмечает Элен Каррер д'Анкосс, современный биограф Александра II.

Первой, кого Александр пожелал увидеть после инцидента в Булонском лесу, была его Катя. Короткие, полные страсти парижские ночи окончательно и бесповоротно превратили княжну в самого близкого для Александра человека. По возвращении в Петербург их отношения перестанут быть тайной. Император обеспечит своей возлюбленной официальный статус при дворе, и с тех пор они уже никогда не расстанутся.

***

Приглашение посетить Париж Александр II получил от Наполеона III в апреле 1867 года. В Петербурге всё еще питали некоторые надежды на содействие Франции в отмене ограничений Парижского мира 1856 года, хотя весь предшествующий опыт общения с ненадёжным французским партнёром не давал к тому серьёзных оснований. Вполне возможно, что на решение императора поехать в Париж в большей степени повлияло простое че-

ловеческое любопытство — ведь о Всемирной выставке по всей Европе так много говорили.

Так или иначе, 28 мая 1867 года Александр II из Царского Села по железной дороге отправился в дальний путь. Императора сопровождали два старших сына, вице-канцлер князь Горчаков, генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков, министр императорского двора граф А. В. Адлерберг и граф П. А. Шувалов, начальник III отделения.

Французский посол в Петербурге барон де Талейран сообщал в Париж, что в окружении Александра II раздавались голоса, предостерегавшие его от этой поездки³. Кое-кто прямо говорил о возможности покушения на его жизнь в Париже, где укрылись многие участники недавнего польского восстания. Однако царь был непреклонен. «Его Величество, — докладывал Талейран министру иностранных дел маркизу де Мустье, — остался безразличен ко всем этим внушениям, с достоинством ответив, что подобные опасения не могут заставить его волноваться, так как он целиком полагается на гостеприимство Франции»⁴. Наверное, эти слова не раз потом вспомнят и в Петербурге, и в Париже...

Хорошо понимая, куда он едет, Александр II, сделав остановку на пограничной станции Вержболово, 29 мая подписал указ об амнистии участников восстания 1863–1864 годов. «По существующему здесь единодушному мнению, — сообщал из Петербурга Талейран, — среди мотивов, которыми продиктован этот великодушный акт императора Александра перед его приездом в Париж, несомненно, есть и желание сделать приятное Его Величеству [Наполеону III. — П. Ч.], избежав тем самым тягостных воспоминаний о Польше в беседах двух монархов»⁵.

Посол высказал также мнение, что объявленная царём амнистия, безусловно, будет одобрительно встречена в Польше, где на обратном пути из Парижа Александр II намерен сделать остановку и встретиться со своими польскими подданными⁶.

Ещё ранее, в середине марта 1867-го, царь амнистировал французов, участвовавших в польском восстании и отправленных в Сибирь. Прощения этих французских волонтеров давно и тщетно добивалось посольство Франции в Петербурге. На все просьбы герцога де Монтебелло и сменившего его на посольском посту в России Талейрана Горчаков неизменно ссылался на то, что французы были взяты с оружием в руках и осуждены в законном порядке, как это принято в любом современном европейском государстве. «Валуев проинформировал меня, что император Александр только что помиловал всех французов, замешанных в последних событиях в Польше, депортированных в Сибирь или заключённых в тюрьмы в других провинциях империи»⁷, — телеграфировал шифром Талейран Мустье 14 марта 1867 года.

В Петербурге рассчитывали на то, что этот жест доброй воли будет должным образом воспринят как в Тюильри, так и во французском обществе. Если в отношении официальной Франции расчёт в целом оправдался, то с настроениями социума всё было иначе.

Александр II и его свита поняли это сразу же, как только покинули Северный вокзал Парижа, где царя встречал сам Наполеон III. На пути следования кортежа от вокзала до императорской резиденции Тюильри из толпы, как обычно в торжественных случаях собравшейся на улицах, неоднократно слышались возгласы: «Vive la Pologne!» То же самое повторилось на следующий день, когда Александр II посетил Сен-Шапель. Здесь, у Дворца правосудия группа адвокатов встретила его появление тем же возгласом: «Да здравствует Польша!» А ещё через день юный поляк Антоний Березовский стрелял в царя в Булонском лесу.

Ко всем этим враждебным выпадам царь оставался внешне безучастным, он сохранял полное спокойствие и достоинство, а в отношении раненого Березовского проявил даже сострадание, потребовав, как мы помним, прямо на месте преступления оказать террористу медицинскую помощь.

Что он чувствовал в душе? Может быть, досаду на самого себя

за то, что поддался искушению побывать в Париже. Но ведь здесь ему предстояли не только непростые переговоры с Наполеоном и содержательные экскурсии по павильонам Всемирной выставки, но и встречи с любимой женщиной... Кто знает, о чём он думал?... Во всяком случае, всю намеченную программу визита монарх выполнил до конца.

А вот в Петербурге и Москве, во всей России покушение в Булонском лесу вызвало бурю возмущения — быть может, даже более сильного, чем год назад, когда в царя стрелял Дмитрий Каракозов. Поначалу здесь сочли, что в императора стрелял француз, и это было чревато подъёмом ксенофобии, как после падения Севастополя в 1855 году. Правда, вскоре последовало разъяснение, что злоумышленником оказался поляк, и всё стало на свои места. Временный поверенный Франции в России маркиз Жозеф де Габриак, замещавший находившегося в Париже Талейрана, сообщал из Петербурга, что здесь сразу же активизировались противники поездки императора в Париж⁸.

Габриак и весь состав французского посольства 7 июня присутствовали в Исаакиевском соборе на благодарственном молебне по случаю спасения Александра II от пуль злоумышленника. Дипломат в донесении в Париж отметил огромное стечение народа в соборе и вокруг него. Вечером весь город был иллюминирован.

10 июня Габриак присутствовал на приёме, который устроила для дипломатического корпуса императрица Мария Александровна. Подойдя затем к французскому поверенному в делах, она взволнованно сказала: «Я глубоко тронута проявлением чувств Её Величества императрицы [Евгении. — П. Ч.] и французского народа по отношению к императору Александру в этих грустных обстоятельствах, послуживших нашему сближению»⁹.

Что касается Александра II, то в оставшиеся до отъезда в Россию дни он аккуратно посещал в Париже все определённые программой официальные мероприятия и балы. Его видели неизменно спокойным, вежливым и открытым. Перед отъездом царь поблагодарил французскую императорскую чету за тёплый прием. Он щедро вознаградил и берейтора, возможно, спасшего ему жизнь в Булонском лесу.

11 июня царь покинул столицу Франции. «При воспоминании о нашем пребывании в Париже меня охватывает дрожь..., — писал великий князь Александр Александрович, будущий Александр III, своему тогдашнему другу князю Владимиру Петровичу Мещерскому. — Да, нам пришлось там нелегко. Ни единой минуты я не чувствовал себя спокойно. Никто не мог гарантировать, что это [покушение. — П. Ч.] не повторится...

У меня было единственное желание: уехать из Парижа. Я послал бы всё к дьяволу, лишь бы император мог целым и невредимым как можно скорее вернуться в Россию. Каким счастьем было покинуть этот вертеп»¹⁰.

После продолжительной остановки в Варшаве Александр II 30 июня вернулся в Царское Село. При первой же встрече с Талейраном император подтвердил то, что ранее императрица сказала Габриаку, добавив, что оказанный ему в Париже Наполеоном и Евгенией приём был поистине сердечным и дружеским. «Он мне сказал, — докладывал посол в Париж, — что вынес из поездки во Францию исключительно приятные воспоминания и впечатления»¹¹.

***

А в Париже в это время начинался судебный процесс над террористом. Следствие подтвердило, что Березовский действовал в одиночку, на свой страх и риск. Обвинение сразу же исключило личные мотивы в его поступке, сославшись на то, что молодой человек стал жертвой политических страстей вокруг польской проблемы, что могло бы послужить некоторому смягчению его безусловной вины. Эмманюэль Араго, адвокат подсудимого, упирал на политическую подоплёку действий Березовского, мстившего за

свою порабощённую родину и за сосланную после подавления восстания семью. Сам же он — человек благородный и добрый, что подтверждают привлечённые адвокатом свидетели.

Березовский, к которому за прошедшее после покушения время вернулись спокойствие и уверенность, говорил, что действовал исключительно во имя независимости униженной Польши и сожалеет лишь о том, что всё случилось в «дружественной» полякам Франции. Он категорически утверждал, что покушение на царя задумал давно и не имел сообщников ни среди французов, ни среди польских эмигрантов.

Страстная речь защитника, обрушившего град критики на царя, «залившего кровью несчастную Польшу», произвела впечатление на присяжных. В своем вердикте, вынесенном 15 июля, они признали Березовского виновным, но по некоторым обстоятельствам заслуживающим снисхождения. В результате террорист избежал смертной казни, получив пожизненный срок, который он должен был провести на каторжных работах в Новой Каледонии. «Александр был уязвлен дважды, — заметил по этому поводу его биограф: — во-первых, этот приговор свидетельствовал об извращённом общественном мнении французов; во-вторых, он лишил его возможности обратиться к Наполеону III с просьбой о помиловании осуждённого на смерть в качестве жеста милосердия»¹².

О том, как восприняли приговор Березовскому в России, сообщал в Париж Талейран: «Вердикт суда департамента Сена, который приговорил Березовского к пожизненным каторжным работам с учётом смягчающих обстоятельств, был встречен большей частью общественного мнения в России с неодобрением»¹³.

Посол ссылался при этом на отклики в петербургской и московской прессе, в частности, на «Московские ведомости» и «Голос», которые выступили с острой критикой решения парижского суда. «Эти атаки русской прессы...», — писал Талейран, — довольно точно отражают общее настроение в стране. Что касается князя Горчакова и лиц из его окружения, — добавил он, — то они предпочли не входить со мной в объяснения по данному вопросу, сохраняя сдержанность»¹⁴.

В то же время посол вынужден был констатировать, что за всеми любезными словами, которые он услышал от императора Александра по возвращении из Парижа, скрывается его разочарование во Франции, в возможности сотрудничать с ней. После инцидента в Булонском лесу и реакции на него французского общества, проявившейся и в приговоре Березовскому, в царю, по наблюдениям Талейрана, произошла перемена отношения к Франции. «Поездка императора Александра в Париж, которая могла открыть новую эру в наших отношениях с Россией, мало что дала, — признавался барон в личном письме маркизу де Мустье. — Конечно, произошло очевидное улучшение личных отношений между двумя монархами, даже сближение между ними, что само по себе хорошо. Но, к сожалению, происшествие в Булонском лесу и последующее развитие событий... вызвали в душе императора Александра горькое чувство относительно нынешнего состояния общественного мнения в нашей стране...

Я нисколько не сомневаюсь в том, — продолжал посол, — что вся эта горечь не относится лично к императору Наполеону и лишь косвенно может затрагивать его правительство. Я уверен, что в скором времени это пройдёт, и надеюсь, что через два месяца, когда император Александр вернётся из Крыма, куда он уехал, я буду иметь возможность сообщить вам, что его настроение изменится в лучшую сторону»¹⁵.

Талейран ошибся в своих ожиданиях. Перелом в отношении Александра II к Франции после поездки в Париж был окончательным и бесповоротным. «Много раз между Францией и Россией вставала тень Польши, — отмечал авторитетный французский историк. — В этом отношении поездка царя в Париж, которая могла бы стереть ещё свежие воспоминания о вражде, лишь оживила их»¹⁶.

Важнейшим следствием этой, оказавшейся неудачной, поездки стало сближение России с Пруссией, что определило фактическую изоляцию Франции перед нараставшей прусской угрозой. После 1867 года Александр II, всегда тянувшийся к Пруссии и одновременно всегда подозрительно относившийся ко Второй французской империи, сделал окончательный выбор в пользу Берлина.

***

Ну, а «дело Березовского», послужившее детонатором для крутого поворота во внешней политике Александра II, имело свое логичное продолжение. После вынесения приговора Антоний Березовский был отправлен на каторгу, которую отбывал на острове Ну в Новой Каледонии. В мае 1868 года он попытался бежать, но опоздал на пароход, идущий до Австралии.

На рубеже 1869–1870 годов пошли слухи о том, что Березовский якобы возвращён с каторги. По этому поводу Горчаков направил тогдашнему послу России в Париже графу Э. Г. Штакельбергу шифрованную телеграмму следующего содержания: «Выясните у французского правительства, действительно ли Березовский в настоящее время находится по месту отбывания наказания»¹⁷. Штакельберг получил на Кэ д'Орсэ заверения в том, что террорист по-прежнему пребывает на каторге в Новой Каледонии.

Когда в результате Седанской катастрофы и последующей Сентябрьской революции 1870 года в Париже пала Вторая империя, в демократических кругах Франции заговорили о возможности реабилитации или хотя бы помилования Березовского. Эти слухи в искажённом виде дошли и до Петербурга. Французский поверенный в делах Габриак 21 февраля 1871 года сообщал в Париж по телеграфу: «Здесь утверждают, что Березовский, стрелявший в императора Александра II, был помилован А. Кремье»¹⁸ перед тем, как тот оставил пост министра юстиции. Это решение, если оно соответствует действительности, произведёт здесь очень плохое впечатление»¹⁹.

Но и на этот раз слух оказался ложным. Когда 17 февраля 1871 года в Бордо было сформировано правительство Адольфа Тьера, вновь пошли разговоры о пересмотре «дела Березовского». Габриак вновь обратился с запросом в МИД, откуда 26 февраля получил телеграфное уведомление о том, что слухи не соответствуют действительности. Действительно, Березовский обращался к новым властям с просьбой о помиловании, но эта просьба была отклонена²⁰. Временный республиканский режим, установившийся во Франции, как никогда, нуждался во внешней поддержке и уже по этой причине не желал обострять отношений с Россией из-за томившегося на каторге поляка.

Перемены в судьбе Березовского начались только в 1886 году, когда укрепившаяся Третья республика сочла возможным заметить ему каторгу пожизненной ссылкой, а в 1906-м правительство Жоржа Клемансо амнистировало 59-летнего Антония Березовского, который отказался возвращаться из Новой Каледонии, где и умер десять лет спустя.

Примечания

1. Carteret A. Napoléon III. Actes et paroles. Paris. 2008. P. 200.

2. Каррер д'Анкокс Э. Александр II. Весна России. М. 2008. С. 205.

3. Archives des Affaires Étrangères (далее — ААЕ). Correspondance politique. Russie. 1867. Vol. 238. Fol. 358 recto-verso. Талейран — Мустье. 23 мая 1867 г.

4. Ibid.

5. Ibid. Vol. 239. Fol. 9. Талейран — Мустье. 2 июня 1867 г.

6. Ibid. Fol. 9 recto-verso. Талейран — Мустье. 2 августа 1867 г.

7. Ibid. Vol. 238. Fol. 207.

8. Ibid. Vol. 239. Fol. 25. Габриак — Мустье. 8 июня 1867 г.

9. Ibid. Fol. 27. Шифрованная телеграмма Габриака в Париж, 10 июня 1867 г.

10. Цит. по: Труайя А. Александр II. М. 2003.

11. Ibid. Fol. 34 verso–35. Талейран — Мустье, 2 июля 1867 г.

12. Труайя А. Указ. соч. С. 174.

13. ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1867. Vol. 239. Fol. 85. Талейран — Мустье, 22 июля 1867 г.

14. Ibid. Fol. 86.

15. Ibid. Fol. 103 verso.

16. Charles-Roux F. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. 2-ème éd. Paris. 1913. P. 439.

17. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1870 г. Д. 119. Л. 212. Горчаков — Штакельбергу, 8 января 1870 г.

18. Кремье Адольф (1796–1880) — адвокат и политический деятель Франции, министр юстиции в правительстве Национальной обороны с 4 сентября 1870 до 17 февраля 1871 г.

19. ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1871. Vol. 245. Fol. 73.

20. Ibid. Fol. 80–86.